

В глазах Ван Жуя мелькнул жестокий блеск. Облизнув пересохшие, потрескавшиеся губы, он процедил:

- Решено, берем его! Толстяк выглядит так, будто об него ноги вытирать можно. Готовьтесь, идем прямо сейчас!

Троица разобрала заранее припасенное оружие: Чжао Даюн поудобнее перехватил железную трубу, а Ли Вэнь вооружился кухонным тесаком.

Прокрадываясь мимо комнаты Цзян Цзюэ, они инстинктивно сбавили шаг, стараясь даже дышать через раз, и бесшумно выскользнули за дверь.

Поднявшись на пятый этаж, Ли Вэнь постучал в дверь. Внутри – ни звука.

Бум-бум-бум!

Он приложился к двери сильнее. В гробовой тишине подъезда тяжелые удары прозвучали пугающе резко, но по ту сторону по-прежнему стояла мертвая тишина.

Ли Вэнь нахмурился. Обернувшись к Ван Жую, он прошептал:

- И что теперь? Этот жиртрест стопудово дома, просто шкерится и не открывает.

Глаза Чжао Даюна хитро забегали. Он наклонился к самому уху Ван Жуя:

- Брат Жуй, а может, подтянем Чжао Юнин? Голосок у бабы нежный, выглядит она безобидно, подозрений не вызовет. Вдруг клюнет на нее и откроет?

Ван Жуй на секунду задумался и кивнул:

- Добро. Так и поступим.

Троица на цыпочках спустилась обратно на четвертый этаж и подошла к двери Чжао Юнин.

Ван Жуй тихонько поскребся в дверь и зашипел:

- Юнин, это я. Открой.

Дверь приоткрылась на узкую щелочку. Чжао Юнин настороженно высунула голову, ее лицо было бледным.

- Брат Жуй? Так поздно... Что случилось?

- Помоги кое в чем, - Ван Жуй внаглую протиснулся в дверной проем. - Поднимешься на пятый этаж, постучишь к тому толстяку. Скажешь, что тебе плохо, попросишь помощи. А как только дверь откроется - сразу отскакивай в сторону.

Чжао Юнин перевела взгляд с их лихорадочно блестящих глаз на зажатую в руках арматуру и кухонный тесак. До нее мгновенно дошло. Лицо девушки исказилось от испуга:

- Вы... вы собрались грабить того парня сверху? Я не в деле! Это слишком опасно!

- Да не дрейфь ты, - Ван Жуй положил тяжелую руку ей на плечо. Говорил он вроде бы успокаивающе, но во взгляде читалась стальная, не терпящая возражений жесткость. - За тобой будут стоять трое здоровых мужиков, что вообще может случиться? Как дело выгорит, мы обязательно выделим тебе долю жратвы. С голоду не помрешь, гарантирую.

Чжао Даюн с готовностью поддакнул, откровенно подстрекая:

- Вот именно! Мир покатился к чертям. Что от зубов зомби подохнуть, что от голода сдохнуть - один хрен. Уж лучше рискнуть. Сама вспомни, каково это - когда кишки от голода сводит?

Чжао Юнин до крови закусила губу, борясь с сомнениями.

Но пустой желудок снова болезненно скрутило спазмом. В конце концов, отчаянная жажда еды перевесила все страхи. Она кивнула:

- Хорошо... ладно. Но вы обязаны обеспечить мою безопасность.

- Расслабься, я же с тобой, - Ван Жуй самодовольно хлопнул себя кулаком в грудь, а его губы скривились в торжествующей ухмылке.

И вот уже вчетвером они снова поднялись на пятый этаж.

Чжао Юнин одернула одежду и нарочито потянула воротник вниз, приоткрывая декольте. Сделав глубокий вдох, она нацепила на лицо маску хрупкой беззащитности и пропела дрожащим, плачущим, до тошноты нежным голосом:

– Большой брат, открой дверь, пожалуйста... Мне что-то совсем нехорошо, голова так кружится... Не мог бы ты мне помочь?

Дверь со скрипом медленно приоткрылась на узкую щель.

В проем высунулся пухлый молодой парень. Его взгляд настороженно пробежался по лестничной клетке, и он неуверенно пробормотал:

– Вы кто? Я... я вас не знаю и ничем помочь не смогу, поищите лучше кого-нибудь другого...

В это же мгновение сбоку резко выскочил Ван Жуй и со всей дури впечатался плечом в дверь, вышибая ее настежь!

Застигнутый врасплох толстяк по инерции пошатнулся, отлетел назад и с глухим стуком плюхнулся задницей на холодный бетонный пол, болезненно скривившись.

– Вы что творите?! – в панике завопил толстяк. Судорожно отползая назад на четвереньках с полными ужаса глазами, он закричал: – Это незаконное проникновение! Я полицию вызову! А ну, пошли вон!

– Полицию? – холодно усмехнулся Ван Жуй. На его ладони со свистом вспыхнул танцующий сгусток пламени, отбрасывая жутковатые тени на искаженное лицо эспера. – Давай, вызывай! Посмотри, что творится в мире – думаешь, хоть одному копу сейчас есть до тебя дело?! Если жить хочешь – сиди тихо и не дергайся. Мы только заберем жратву, никого трогать не будем!

Толстяк побледнел как полотно. Его губы затряслись, и он продолжил пятиться, заикаясь:

– В-вы... это же грабеж... это преступление...

– Заткнись! – Чжао Даюн грубо отпихнул попытавшегося было подняться толстяка и с

лихорадочной жадностью принялся обыскивать комнату.

– Брат Жуй! Сорвали куш! – вскоре Чжао Даюн выволок из-под кровати целую коробку лапши «Мастер Шуай». От возбуждения его голос аж сорвался на фальцет: – Целая коробка! Кто бы мог подумать, что этот жирный ублюдок заныкал тут столько добра!

Ли Вэнь тем временем нарыл в шкафу пять пакетов тостового хлеба и несколько вакуумных упаковок маринованных яиц.

А Ван Жуй отыскал в кухонном шкафчике четыре банки жирной мясной тушенки и с десятков бутылок разных напитков. Заглянув на нижнюю полку холодильника, он обнаружил еще две пачки сосисок, и на его лице расплылась алчная улыбка.

– Нет! Это мои последние запасы! – увидев, как эта троица выгребает всю его заначку, толстяк запаниковал. С покрасневшими глазами он бросился вперед и вцепился в ногу Чжао Даюна: – Умоляю, оставьте хоть немного! Не обрекайте на смерть!

Ли Вэнь попытался силой разжать пальцы толстяка, но тот, откуда ни возьмись, обрел нечеловеческую хватку. Он вцепился намертво, его ногти чуть ли не впивались в плоть Чжао Даюна.

Взгляд Ван Жуя заледенел. Он подошел и со всей дури пнул толстяка в мясистое плечо. Удар был такой силы, что парень сдавленно охнул, но рук так и не расцепил.

– Отпусти! – свирепо рявкнул Ван Жуй.

Толстяк взвыл от боли, но хватку не ослабил. Вместо этого он завопил во все горло:

– Помогите! Грабят! Убивают!

– Мать твою! По-хорошему не понимаешь?! – Ван Жуй окончательно вышел из себя. Пламя в его руке с ревом взмыло вверх. Обдав толстяка обжигающей волной жара, эспер замахнулся, готовясь впечатать огненный шар прямо в него.

От страха толстяк отшатнулся, но инстинкт выживания и отчаянная жажда сохранить еду придали ему безумной смелости. На этот раз он бросился на Ван Жуя и вцепился ему в ногу:

– Я с вами поквитаюсь! Отдайте мою еду!

Увидев это, Чжао Даюн грязно выругался, занес железную трубу и со всего маху обрушил ее на спину толстяка.

Раздался глухой стук. Толстяк истошно завопил от боли, его тело забилося в судорогах, но руки по-прежнему мертвой хваткой, словно стальные тиски, сжимали ногу Ван Жуя.

Ли Вэнь тоже подскочил и принялся остервенело лупить рукоятью тесака по рукам и плечам парня.

– Моя еда... мои припасы... – всхлипывал толстяк под градом ударов. Из уголков его рта уже сочилась кровь, вперемешку со слюной стекая по подбородку. – Я ведь по крупицам это экономил... это же моя жизнь...

Ван Жуй не мог пошевелиться из-за мертвой хватки. Резкая боль в ноге вперемешку с воплями толстяка взбесили его до крайности. Он рывкнул на Чжао Даюна:

– Бей по башке! Заставь его отпустить!

Чжао Даюн, глядя на покрытое холодным потом и залитое кровью лицо толстяка, на секунду заколебался. Но, наткнувшись на свирепый взгляд Ван Жуя, стиснул зубы, занес железную трубу и обрушил ее прямо на голову парня!

□

Толстяк глухо охнул. Хватка его рук наконец ослабла, и он безвольным кулем осел на пол. Однако его губы все еще невнятно шептали:

– Моя еда... отдайте...

На его виске выступила кровь. Стекая по щеке, она закапала на пол, образуя небольшую темно-красную лужицу.

Его глаза были полуоткрыты, взгляд помутнел и расфокусировался, но пальцы все еще мелко подрагивали, словно сию секунду за что-то ухватиться.

Ван Жуй с отвращением отшвырнул ногой безжизненно повисшую руку толстяка и холодно хмыкнул. Подхватив набитый едой рюкзак, он прикинул его вес, и на лице эспера расплылась довольная улыбка:

– Неплохой улов. Уходим!

Троица закинула на плечи трофеи и, даже не взглянув на умирающего на полу парня, с важным видом удалилась.

Позади в опустевшей комнате осталось лишь прерывистое, слабое поскуливание избитого.

Стоящая за дверью Чжао Юнин, слыша доносящиеся изнутри вопли и глухие удары, сжалась, бессознательно теребя пальцы.

Но, вспомнив тошнотворное чувство голода, от которого темнело в глазах, она заставила себя очерстветь. Сглотнув, девушка подавила в себе тревогу и чувство вины...

Увидев, как троица собирается спускаться по лестнице с туго набитыми рюкзаками, она поспешно бросилась вперед и вцепилась в руку Ван Жуй. Не сводя жадного взгляда с сумок, она с нетерпением выпалила:

– Брат Жуй, ты обещал мне долю.

Ван Жуй остановился и обернулся. Посмотрев на нее с полуулыбкой, он протянул руку и похлопал ее по плечу. В его жесте сквозило откровенное легкомыслие:

– Расслабься, уговор в силе. Даюн, отсыпь ей пару пачек лапши.

Чжао Даюн с неохотой расстегнул молнию. Глядя на забитое под завязку нутро рюкзака, он соорудил страдальческую мину. Помявшись, он медленно вытащил три пачки лапши и протянул их девушке, пробурчав:

– На, держи.

Чжао Юнин забрала лапшу, и в ее голове тут же закрутились шестеренки: «Этих крох, даже если жестко экономить, надолго не хватит».

Ее взгляд невольно снова скользнул к рюкзаку в руках Чжао Даюна. Среди горы лапши явно угадывались очертания консервных банок.

Она надула губки и, нарочито прижавшись мягкой грудью к руке Ван Жуя, потерлась о нее. Ее голос зазвучал нежно и соблазнительно, с откровенным намеком:

- Брат Жуй~ Так мало... Разве этим наешься? У меня от голода совсем сил не осталось... - она невинно похлопала ресницами. - Может... зайдешь сейчас ко мне в комнату? Посидим...

От ее трений Ван Жуй завелся, внизу живота сладко заныло, и по телу пробежала горячая волна похоти. Он махнул рукой Чжао Даюну:

- Дай ей еще две пачки.

Чжао Даюн, всем своим видом выражая нежелание, остался стоять на месте и недовольно проворчал:

- Брат Жуй, нас тут трое, да еще и ты ее содержать собрался. Этих припасов на всех не напасешься...

- Сказал дать - давай!! - Ван Жуй зыркнул на него так, что не осталось места для возражений.

Чжао Даюну пришлось с обидой снова расстегнуть рюкзак. Глядя на лапшу и тостовый хлеб, он на секунду задумался: лапша отлично насыщает, а хлебом особо сыт не будешь.

В итоге, зажав лапшу, он выудил два пакета с тостами и сунул их Чжао Юнин, огрызнувшись:

- Лапши больше нет. Бери это, не хочешь - обойдешься.

Глядя на прибавившийся хлеб в руках, Чжао Юнин хотела было поторговаться еще, но, подняв голову, заметила, как взгляд Ван Жуя начал медленно темнеть. Она тут же нацепила сладкую улыбку и благоразумно прикусила язык:

- Спасибо, брат Жуй~ Ты ко мне лучше всех относишься! Я пойду подготовлюсь, а ты заходи чуть позже, дверь будет открыта~ - с этими словами она взяла руку Ван Жуя, нежно сжала ее

и, бросив на него многозначительный взгляд, развернулась. Виляя бедрами, она направилась в свою комнату.

Чжао Даюн и Ли Вэнь переглянулись и синхронно скривили губы, на их лицах проступило откровенное презрение.

<http://bllate.org/book/20912/2132847>